

KHOLYAEV Sergey Vladimirovich, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of Humanities, Yaroslavl State Technical University (Moskovskij av., 88, Yaroslavl, Russia, 150023; holyaevsv@ystu.ru)

ABOUT THE MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN CENTRAL AND REGIONAL STRUCTURES OF THE BOLSHEVIK PARTY DURING THE OCTOBER REVOLUTION (on the base of materials of the Upper Volga region)

Abstract. The article argues that the success of the Bolshevik revolution was the result of the situation when the party took the power not only in Petrograd, but simultaneously throughout the state. The author demonstrates the technology of the power takeover using the example of the Upper Volga region (Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces). The main element that provided the transition of power was the interaction between the average party level, provincial committees, and regional party structures. During the first time of the revolt the power was mainly taken at the level of provinces, in order to ensure the support of the Central Bolshevik government. The Bolsheviks' assumption of power in October 1917 generally was a progressive event, because it prevented the inevitable break-up of the state as a result of the political processes, which began in February 1917.

Keywords: October revolution, Bolsheviks, Upper Volga, Moscow regional Committee of the RSDLP(b), socialist-revolutionaries

УДК 340.15

ВОСТРИКОВ Павел Петрович – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой теории государства и права и сравнительного правоведения Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород-292, пр. Гагарина, 46; pavel_vpp@mail.ru)

КОРОЛЕВ Борис Иванович – к.и.н., доцент; доцент кафедры теории государства и права и сравнительного правоведения Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (korolev-boris@yandex.ru)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. Статья посвящена вопросу, который не потерял своей актуальности и в настоящее время, – особенностям борьбы цензурных комитетов с российской общественной мыслью по Цензурному уставу 1865 г. и его последующим изменениям в связи с убийством Александра II и революцией 1905–1907 гг. В указанный период отечественные издания периодической печати подвергались административной и судебной ответственности. Цензоры в основном применяли административные методы наказания периодических изданий за опубликование запрещаемых материалов – штрафные санкции, приостановку и закрытие издания. В ходе революции 1905–1907 гг. власть отменила административную ответственность, сохранив только судебную. Однако в дальнейшем цензурные органы активно использовали материальные средства давления на периодическую печать. Статья представляет интерес для историков права, юристов, преподавателей и студентов.

Ключевые слова: цензура, цензурный комитет, общественная мысль, административная ответственность, правосудие, судебный процесс, реформа

Вопрос о цензуре отечественных печатных органов и положении периодической печати актуален в настоящее время не менее, чем в прошлом. Положение

печати, отношение к цензуре в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. как определяли отношение общества к монархической власти, так и представляли возможность царскому правительству прислушаться к мнению общества. Периодическая печать формировала общественное мнение, выполняя развивающую и образовательную функцию. Установленные властью цензурные запреты преследовали цель ограничения вольнодумства. В монархической России цензурные комитеты боролись с проявлениями общественного мнения, критиковавшего власть за применение административных или судебных карательных мер. Цензурная политика как государственно-правовой институт формировалась в России на протяжении нескольких столетий. Развитие отечественной печати – переход от книгописания к книгопечатанию и массовому распространению печатных изданий – определяло ее взаимоотношения с цензурными органами. Они характеризовались переходом от духовной к светской цензуре, разделением цензурного контроля на предупредительный (административный) и последующий (судебный).

Развитие журналистики и литературного дела, газетно-журнальное производство предопределили изменения в цензурном законодательстве во второй половине XIX – начале XX вв. Так, численность периодических изданий на рубеже веков неуклонно возрастала: 123 газеты в 1898 г., 800 – в 1908 г., 1 158 – в 1913 г. Возрастала и грамотность населения – с 27,8% грамотных в 1897 г. до 40,2% – в 1914 г. Численность же цензоров почти не изменилась: 44 в 1882 г. и 46 в 1917 г. [Дейли 2001].

Утвержденные еще 6 апреля 1865 г. временные правила в форме закона «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», наряду с предварительной цензурой (административная, запрещающая, до опубликования в тираж) по уставу 1828 г., вводили последующую (судебную, карательную, по факту опубликования) через суд. От предварительной цензуры в Петербурге и Москве освобождались периодические издания, получившие разрешение МВД, оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов. Освобожденные издания должны были доставляться в цензуру после их напечатания, но за несколько дней до предполагаемого выпуска в свет. Цензуре предоставлялось право держать книги 3, а ежемесячные журналы – 2 дня, разрешая или запрещая их выпуск или задерживая издание и возбуждая судебное преследование. Ежедневные и еженедельные газеты и журналы должны были доставляться в цензурные комитеты одновременно с началом печатания тиража. С началом судебного преследования власть имела право останавливать выпуск издания в свет. В случае нарушения закона издания подвергались судебному преследованию, а периодика – еще и административным взысканиям. Дела о преступлениях посредством печати разбирались судом первой степени в особых присутствиях уголовной палаты в Петербурге и Москве и поступали по апелляции в Сенат. За содержание издания ответственность несли автор, издатель, владелец типографии, книготорговец, редактор. Дела печати и цензуры контролировались Главным управлением по делам печати при МВД под наблюдением министра, который давал разрешение на издание газеты или журнала, освобождал издания от предварительной цензуры, предостерегал их. Окончательное прекращение издания осуществлялось Сенатом. Формулировка судебного определения или административного взыскания должна была печататься в данном издании, или налагался штраф за каждый номер, а через 3 месяца издание прекращалось. Результатом запрета публикации и наложения административного взыскания на издание в форме штрафа могло стать закрытие издания или приостановка его выхода на определенный период. На практике цензурные комитеты предпочитали справляться с неудобными изданиями административными методами, не доводя дело до суда. [Цензура в России... 2003: 14-19, 22-24, 63-67, 135-160, 261-268].

По мнению юриста, присяжного поверенного, публициста и общественного деятеля К.К. Арсеньева (1837–1919), законом о печати от 6 апреля 1865 г. наряду «с судебными карами устанавливалась административная расправа», когда имелось в виду так называемое «вредное направление», уловимое только для бюрократического слуха [Цензура в России... 2003: 63]. Современные исследователи И.Г. Горбачев и В.Н. Печников подчеркивают, что передача управления цензурой

из системы Министерства народного просвещения Министерству внутренних дел изменила правовую природу отечественной цензуры: ее органы управления приобрели полицейский, карательный характер [Горбачев, Печников 2004: 187-188].

Сообразно с изменениями 1865 г. появились новые правовые нормы. Уложением о наказаниях уголовных и исправительных была предусмотрена ответственность как авторов-сочинителей, так и цензоров за преступления и проступки по цензуре и посредством печати. Так, ст. 274 запрещала распространение ложных слухов с намерением возбудить к сопротивлению власти [Суд и права... 2005: 81]. Предусматривалась ответственность за напечатание «оскорбительных и направленных к колебанию общественного доверия отзывов о действующих в империи законах или о постановлениях и распоряжениях правительственных и судебных установлений», а также «оспаривание в печати обязательной силы законов и оправдание воспрещенных ими действий», возбуждение вражды между отдельными частями населения, оскорбление должностных лиц и т.д. (ст. 1035-1037 Уложения о наказаниях) [Цензура в России... 2003: 63-67].

В воспоминаниях Арсеньева, непосредственно участвовавшего в первых судебных процессах по делам печати, отображена неготовность цензурных комитетов и прокуратуры к судебному рассмотрению дел (неверно определенная обвинением квалификация преступлений посредством печати); подчеркивается, что власть оказывала давление на печать, формировавшую общественное мнение. Примерами первых судебных процессов относительно печатных органов могут служить дело Суворина; дело Ю.Г. Жуковского и А.Н. Пыпина [Цензура в России... 2003: 63-67]. Одного оправдательного решения оказалось достаточно для того, чтобы изъять дела о печати (кроме маловажных нарушений и дел об оскорблении частных лиц) из ведения окружного суда (закон от 12 декабря 1866 г.). Новелла открыла собою длинный ряд отступлений от основных начал Судебной реформы. Законы 17 октября 1866 г. и 14 июня 1868 г. пополнили экономические методы воздействия на издания, запретив приостановленным изданиям издавать и выдавать отдельные сочинения, переводы, сборники, розничную продажу периодических изданий, что приводило к убыткам и прекращению издания. Предусматривалось внесение денежного залога под возможные штрафы; опасение потерять залог побуждало издателей и редакторов точно исполнять свои обязанности и не преступать нормы закона. Еще в 1862 г. в связи с первыми проявлениями политической агитации было остановлено на 8 месяцев издание «Современника» и «Русского слова». Они были запрещены в мае 1866 г. после покушения Д. Каракозова на императора Александра II [Цензура в России... 2003: 24-26, 66]. Уже с середины 1860-х гг. начинают создаваться специальные правительственные учреждения для обсуждения планов радикального реформирования печати (комиссии П.П. Гагарина, С.Н. Урусова, П.А. Валуева). Главное внимание при этом уделялось мерам борьбы с леворадикальной идеологией, поэтому значительно были усилены prerogatives министра внутренних дел по контролю над периодической печатью. И.Г. Горбачев и В.Н. Печников считают, что основным инструментом правительства в противодействии «вредным направлениям российской печати» стали административно-правовые средства: предостережения, приостановка изданий, запрещение их розничной продажи, оказавшиеся неэффективными в борьбе с левой революционной пропагандой в печати [Горбачев, Печников 2004: 187-188].

После убийства Александра II 27 августа 1882 г. были приняты новые «Временные правила», ужесточившие административный цензурный контроль над периодической печатью. Возобновленные после временной приостановки издания должны были каждый номер представлять в цензурный комитет накануне выхода номера, не позднее 23 часов (предварительная цензура). Цензорам разрешалось приостанавливать издание без судебного решения. При Александре III направление политики по отношению к российской прессе было сосредоточено в области совершенствования правоприменительной практики, о чем говорят многочисленные циркуляры МВД и Главного управления по делам печати. Так, были закрыты «Отечественные записки», «Здоровье», «Страна», «Голос», «Русский курьер», «Русское дело» и другие издания [Цензура в России... 2003: 29-34]. И.Г. Горбачев и В.Н. Печников делают

вывод о том, что не с XX, а уже с конца XIX столетия «законодательство о печати и сама печать начали развиваться почти параллельными путями. Это было началом процесса... полной утраты... правительством цензурного контроля над печатью» [Горбачев, Печников 2004: 194-195].

Подъем освободительного движения в начале XX в., революция 1905–1907 гг. привели к ослаблению цензурного режима. В связи с объявлением Манифестом 17 октября свободы слова Правилами от 24 ноября 1905 г., 18 марта и 26 апреля 1906 г. был отменен Цензурный устав и провозглашена отмена административной (предварительной) цензуры. Преступления о печати наказывались по Уголовному уложению 1903 г. или по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г.

В дальнейшем в отношении печати на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия действовали обязательные постановления, издаваемые губернской административной властью. Воспрещалось оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству; восхваление преступного деяния, распространение и публичное высказывание сочинений, изображений, восхваляющих такое деяние; оглашение или публичное распространение а) ложных слухов о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска, сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение; б) ложных слухов, возбуждающих общественную тревогу, слухов о правительственном распоряжении, общественном бедствии, ином событии; в) произведений печати, подвергнутых аресту в установленном законом порядке¹. В качестве ответственности за нарушение обязательных постановлений предполагались штраф до 500 руб. (не позднее 3 дней после предъявления взыскания) или арест на срок до 3 месяцев².

С конца 1905 по 1906 г. были конфискованы 433 номера журналов, 371 периодическое издание подверглось приостановке. Судебным санкциям в Санкт-Петербурге подверглись 112 легальных изданий, были закрыты 25 изданий левых партий. Возросло число наказаний изданий в административном порядке в форме штрафа: в 1906 г. – 16 случаев (15,5 тыс. руб.), в 1907 г. – 148 (65 тыс. руб.), в 1911 г. – 268 (73,4 тыс. руб.), в 1912 г. – 317 (96,8 тыс. руб.), в 1913 г. – 340 (130 тыс. руб.). По судебным решениям в 1908 г. были временно закрыты 73 периодических органа [Дейли 2001: 25-46].

К 1908 г. относится циркуляр департамента полиции и Главного управления по делам печати относительно отчета по периодической печати (общественно-литературные и политические издания). Ответственными за отчет являлись комитет по делам печати или инспектор по делам печати или лицо, наблюдающее за выходящими повременными изданиями за текущий год. В первом формуляре повременные издания были разделены по срокам их выхода в свет (ежедневные, еженедельные), по их содержанию и характеру (общественно-литературные и политические, карикатурно-политические, художественно-литературные, официальные и т.д.). Обязательно должны были прилагаться характеристики повременных изданий с указанием, к каким существующим политическим партиям издание принадлежит, характеристики движения судебных дел по общественно-литературным и политическим изданиям³. Второй формуляр содержал следующие вопросы: название, инкриминированные номера изданий, по каким основаниям, когда (дата) возбуждено судебное преследование, даты наложения на номер ареста или его отмены установлением по делам печати, было ли издание приостановлено судом до судебного приговора, и за какие номера, даты определений суда о приостановке издания, о прекращении уголовного преследования, сущность окончательного приговора суда в отношении личной ответственности виновных, было ли издание прекращено навсегда по приговору суда, особые замечания. В губерн-

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 235. Л. 1-112.

² ЦАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 238. Л. 6-9; Л. 12-31.

³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 276. Л. 42-43.

ских канцеляриях рассматривались рапорты и препровождения на публикации в местной периодической печати о произволе полиции и земских начальников, о политической борьбе на местном уровне за 1905–1907 гг. Рассматривались рапорты на публикации в центральных газетах либерального направления («Новое время», «Речь», «Слово», «Русь» и др.). Расследование по факту произвола чаще заканчивалось требованием к газете опубликовать опровержение, чем увольнением полицейских чинов со службы¹.

Административное давление на печать на местах было связано с циркулярами департамента полиции губернаторам (1907 г.), губернских администраций полицеймейстерам и уездным исправникам (1905 г., 1907 г., 1911 г.). Указывалось на неверные сведения, появляющиеся в периодической печати, тенденциозные и искажающие действительность, и в случае разоблачения и доказательства клеветы на действия власти или полиции требовалось привлечь подозреваемого к ответственности по закону. В циркулярах указывалось, что «левые» газеты (столичные и провинциальные) «служат органами не легализованных партий», требовалось проводить расследование фактов произвола полиции или власти, появляющихся в печати, вплоть до выступления в суде².

Таким образом, положение периодических изданий на рубеже XIX–XX вв. зависело от политической обстановки в Российской империи. Следует выделить такие особенности положения периодики в рамках борьбы с царской администрацией за свободу слова и печати, как борьба за отмену административной, предварительной цензуры; борьба за возможность отражения политических взглядов издателей и редакторов при стремлении избежать различных форм административного воздействия на печатные органы (предупреждение, штраф, приостановление или прекращение издания). В ходе революционных событий 1905–1907 гг. общественные силы добились изменения положения печати, а завершение революции и наступившая реакция привели к ужесточению требований власти и росту давления на периодическую печать. Власть использовала как судебные, так и внесудебные (административные, экономические) методы давления на печатные органы.

Список литературы

Дейли Дж. 2001. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.). — *Вопросы истории*. № 10. С. 25–46.

Горбачев И.Г., Печников В.Н. 2004. *Институт цензуры в российском законодательстве XVI – XIX веков*: историко-правовое исследование. Казань: КГУ. 205 с.

Суд и права личности: сборник статей (под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского). 2005. М.: Статут; РАП. 334 с.

Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний (составитель Н.Г. Патрушева). 2003. СПб.: Дмитрий Буланин. 366 с.

VOSTRIKOV Pavel Petrovich, *Cand.Sci. (Legal)*, Associate Professor; Head of the Chair of the State and Law Theory and Comparative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Gagarina av., 46, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; pavel_ypp@mail.ru)

KOROLEV Boris Ivanovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of the State and Law Theory and Comparative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Gagarina av., 46, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; korolev-boris@yandex.ru)

THE POLITICS OF THE STATE CENSORSHIP IN THE SPHERE OF THE PERIODIC PRESS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 235. Л. 1–112.

² ЦАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 235. Л. 1, 13–15; Д. 367. Л. 1–9.

Abstract. *The article discusses the features of the struggle of the censorship committee with the Russian public thought in accordance with the Censorship Statute of 1865 and its subsequent amendments after the death of Alexander II and the revolution of 1905–1907. The Russian periodical press in this period was administratively and legally responsible. The censors used mainly the administrative methods of punishment as the sanctions for the publication of the prohibited periodical materials: penalties, suspension and closure of publications were used. The authors refer to the first trials, initiated for the edition of the periodical press in Russia. During the Revolution of 1905–1907 government has abolished the administrative responsibility, retaining only the judiciary one. However, later on the censorship authorities actively used the material instruments of pressure on the periodical press.*

Keywords: *censorship, censorship committee, public thought, responsibility, justice, judicial process, reform*

УДК: 94(47).082:070.48

ВИНОГРАДОВА Наталья Николаевна — к.и.н., доцент кафедры русского языка и документалистики Волгоградского государственного университета; заведующий научно-библиографическим отделом НБ ВолГУ (400062, Россия, г. Волгоград, Университетский пр-кт, 100; vinogradovann@rambler.ru)

«МАСКАРАДНАЯ ОРГИЯ»: РАДИКАЛЬНАЯ ПРЕССА О КОРОНАЦИИ АЛЕКСАНДРА III

Аннотация. *Чтобы быть легитимной, власть должна порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты более всего подходят для данного общества. Выбор Александром III сценария власти, ориентированного на допетровскую эпоху, предопределил дальнейшую трагическую судьбу российской монархии. В этой связи особый интерес представляют оценки коронации и государя в радикальной прессе. Анализ публикаций в газете «Общее дело» и «Вестнике Народной воли» показывает неоднозначное отношение радикального лагеря к институту монархии и свидетельствует о том, что процесс десакарализации монархической власти в России второй половины XIX в. был необратим.*

Ключевые слова: *коронация, монархия, радикальная пресса, критика власти, легитимность власти, Александр III, Россия*

Одним из ключевых вопросов для любой действующей политической власти является вопрос ее легитимности. По мнению С.М. Липсета, как только политическая система теряет способность порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты больше всего подходят для данного общества, она становится нелегитимной¹. Именно поэтому политическая элита должна постоянно трудиться над формированием актуального образа власти и действующей политической системы. Однако проблема заключается в том, что можно либо действительно актуализировать действие политических институтов, либо насаждать определенный образ власти, выдавая его за актуальный. Как только власть выбирает второй вариант, процесс ее падения становится вопросом времени. Это подтверждается многочисленными историческими примерами, в т.ч. и трагедией российской монархии.

На первый взгляд кажется парадоксальным, что Александр II — император, освободивший крестьян и начавший кардинальные преобразования в стране, пережил не одно покушение и в результате был убит народовольцами. Однако его ошибка (и трагедия) состояла в том, что он был разочарован результатами реформ и начал их сворачивание. Общество легче переносит даже тяжело идущие реформы, чем отказ от них, т.к. пока идут преобразования сохраняется надежда на улучшение и перемены.

Александр III не поддерживал проевропейский сценарий власти отца и считал, что причина трагедии заключалась именно в отказе от национального мифа.

¹ Легитимность. — *Словари и энциклопедии на Академике : сайт*. Доступ: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1601> (проверено 16.02.2015).